

Перед сном Си Чжоу сказал Вэнь Сую:

— Завтра встаём рано, я уже поставил будильник. Мы идём в горы.

— Не хочу никуда идти, — резко отказался Вэнь Суй. — Я хочу тренироваться.

— Это не развлечение, — ответил Си Чжоу. — Подъём в горы тренирует выносливость.

— Хорошо, — Вэнь Суй согласился ещё быстрее, чем отказался до этого.

Проводив взглядом Вэнь Сую, который ушёл в спальню и закрыл за собой дверь, Си Чжоу нахмурился, выдав своё беспокойство.

Утро поздней осени встретило их прохладным влажным воздухом. Озарённое рассветом лазурное небо обещало прекрасный день.

— Мы бы могли поехать на велосипеде, если бы ты умел кататься на нём.

Всё это время они ходили пешком, и Си Чжоу, улыбаясь, подумал, что только сейчас догадался спросить Вэнь Сую, умеет ли тот кататься.

— Может, ты и умеешь. Сейчас почти вся молодёжь умеет. Мышечная память не исчезает — научившись кататься однажды уже не забудешь, — он придержал заднее сиденье своего велосипеда. — Попробуешь?

Вэнь Суй, поколебавшись, сел, поставил ноги на педали и, подражая тому, как это делали другие, оттолкнулся. Поначалу его сильно шатало, но Си Чжоу поддерживал велосипед сзади,

не давая Вэнь Сую упасть. Проехав несколько метров, Вэнь Суй вдруг понял, что сзади уже никого нет, а Си Чжоу, улыбаясь, стоит в стороне со скрещенными на груди руками. Вэнь Суй действительно умел ездить на велосипеде.

— Отлично, — с помощью телефона Си Чжоу разблокировал доступ к рядом стоящему прокатному велосипеду. — Ты поедешь на моём, а я на этом.

— Разве они не одинаковые?

— Одинаковые.

Си Чжоу всё же сел на прокатный велосипед:

— Поехали, ты держись с внутренней стороны.

Велосипедная дорожка была достаточно широкой, чтобы ехать рядом. Два велосипеда явно отличались друг от друга. Велосипед Си Чжоу был с переключением скоростей — на нём было легче ехать. Предстоящий путь был неблизким, и Вэнь Суй со своей текущей физической формой мог не выдержать. Но Си Чжоу не мог сказать об этом Вэнь Сую в лицо: он знал, что тот упрямо откажется от помощи и будет ехать до конца маршрута, выбившись из сил. В таком случае о восхождении в горы можно забыть.

Дорога ранним утром была свободной, Вэнь Суй ехал всё увереннее, легко, не задумавшись, справляясь с переключением скоростей, торможением и поворотами. Через сорок минут они добрались до подножия горы. Вэнь Суй остановился.

— Устал? — спросил его Си Чжоу.

— Нет, — ответил Вэнь Суй. У него лишь слегка ныли ноги, но поездка с ветерком оказалась приятной. С того момента, как он интуитивно освоил велосипед, Вэнь Суй не покидал один

вопрос: — Если я научусь стрелять из спортивного лука, а потом снова всё забуду, останется ли у меня мышечная память?

Вопрос был довольно странным. Си Чжоу засмеялся:

— С чего бы тебе постоянно терять память?

— Всё возможно, — помолчав, ответил Вэнь Суй. — Это просто предположение.

Несмотря на недоумение, Си Чжоу уверенно ответил:

— Мышечная память сохранится.

— Хорошо, — удовлетворённо отметил Вэнь Суй. Значит, когда настоящий хозяин тела вернётся, все его нынешние навыки останутся. Выходит, этот безымянный предок семьи Вэнь всё же оставит потомкам хоть какое-то наследство.

Они начали подъём по горной тропе. Долгая поездка на велосипеде отняла у Вэнь Суя часть сил — на середине пути дыхание его стало сбиваться. Он изо всех сил старался не показывать этого, но пот неумолимо катился градом по его лицу, выдавая его слабость. Пройдя ещё немного, он почувствовал дрожь в ногах — ему пришлось механически переставлять их по ступеням, пока они не добрались до беседки на склоне горы, где остановились отдохнуть. После подъёма было жарко, и присев в беседке, Вэнь Суй сразу ощутил прохладу осеннего горного ветра.

Си Чжоу достал из рюкзака полотенце и термос:

— Вытрись, попей горячей воды. Отдохнём немного и пойдём по той тропе, — он указал на поворот тропинки, ведущий к склону горы, а не на дорогу, ведущую к вершине.

— Разве мы не поднимемся на вершину? — спросил Вэнь Суй.

— Сегодня нет. Нужно постепенно увеличивать нагрузку, иначе твой организм не справится.

— Я справлюсь, — ответил Вэнь Суй.

— Ты справишься, а я — нет. Я за тебя в ответе.

Вэнь Суй не нашёл, что ответить на эти слова. Си Чжоу видел, как он поджал губы, явно не желая сдаваться, глядя на проходящих людей, поднимающихся по каменным ступеням. Все мысли отражались на его лице.

— Не нужно сравнивать себя с другими. Сравнивай себя с собой. «Благородный муж подобен лучнику: если он промахивается, ищет причину в себе». Помнишь?

— Ты правда, как учитель.

— Я им и являюсь.

Слова вырвались сами собой, Си Чжоу уже ответил, и только тогда Вэнь Суй понял, что это была шутка. Его охватили противоречивые чувства — досада и недоумение, но, незаметно для него самого, холод в его глазах исчез. Си Чжоу, сдерживая улыбку, опустил голову:

— Отдохнём ещё минут пять, затем двинемся дальше.

Следующая остановка находилась в конце тропы. По мере приближения становился слышен звук колоколов — в горах прятался небольшой храм. Прихожан было немного — в основном

зашедшие по пути туристы. Вэнь Суй не был верующим, но ради матери он всё же зашёл в главный зал и поклонился. В зале сидел молодой монах, отбивающий ритм по деревянной рыбе [1]. Си Чжоу подошёл к нему, перекинулся парой слов, а после того, как Вэнь Суй закончил поклоны, монах провёл их во внутренний двор. Вэнь Суй не знал, зачем они идут туда, но не стал нарушать тишину храма.

[1] Деревянная рыба (кит. упр. 鱼鼓, пиньинь tìyú, палл. муюй, кор. 魚鼓, моктак, моги кор. 魚鼓), мо (вьет. mỗ), мокугё (яп. 魚鼓 мокугё:) — деревянный щелевой барабан в виде рыбы, использующийся в буддийских монастырях для удержания ритма во время церемоний и молитв. В китайской и японской версии может быть украшен, находится на возвышении, на подушках; корейский вариант имеет более простую форму.

https://www.youtube.com/watch?time_continue=133&v=5s8gAjKtGwk&embeds_referring_euri=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F&source_ve_path=Mjg2NjY

Они остановились у одной из келий.

— Настоятель внутри. Прошу вас, прихожане, — сказал монах.

Старый настоятель внутри кельи держал в руках чётки. Увидев вошедших, он поклонился и затем снял со стены за спиной какой-то предмет. Только теперь Вэнь Суй разглядел — это была ещё одна имитация лука «Извивающийся дракон».

— Этот юный мирянин... не носит ли он фамилию Вэнь? — спросил старый настоятель.

— Да, Мастер... — ответил Вэнь Суй.

Настоятель, перебирая чётки, слегка поклонился:

— Не называй меня Мастером. Этот лук был пожертвован нашему скромному храму одним

человеком... он тоже носил фамилию Вэнь.

Вэнь Суй понял: последний из трёх луков, которые Вэнь Бои получил из музея, находился здесь. Он взглянул на Си Чжоу. Тот кивнул, словно понимая, что хочет сделать Вэнь Суй. Настоятель, улыбаясь, погладил бороду и сказал:

— Прощу.

Стрел не было, можно было лишь натянуть тетиву. Вэнь Суй и не собирался стрелять. Прикосновение к луку вновь не вызвало никакой реакции — ожидаемый результат. Теперь, когда всё прояснилось, он не чувствовал разочарования — просто поставил точку в своих прежних догадках и попытках.

— Благодарю, — сказал он, возвращая лук, который настоятель повесил обратно на стену.

Келья была наполнена ароматом сандалового дерева. В этой тихой обители буддийской святости оружие, пропитанное аурой смерти, словно омылось буддийским светом, превратившись в молчаливый и величественный оберег от злых сил. Осенний воздух за окном был всё прохладнее, но старый настоятель был одет в тонкое монашеское одеяние. Тёмные чётки висели на его шее, он перебирал их одной рукой, пропуская каждую бусину сквозь свои худые пальцы. Те, кому Вэнь Бои дарил луки, должно быть, были его самыми близкими друзьями...

— Мастер, — вдруг спросил Вэнь Суй. — Вы сможете мне разгадать загадку, связанную с одним человеком?

— Что хочет узнать юный мирянин? — спросил в ответ настоятель.

Что я хочу узнать...

— Я хочу спросить об одном человеке из прошлого, — сказал Вэнь Суй, и его глаза заблестели.

— Что это был за человек?

— Генерал.

Настоятель жестом пригласил Вэнь Суя сесть на циновку. Оглянувшись, юноша увидел, что Си Чжоу незаметно вышел. В келье остались только Вэнь Суй и старый настоятель. На столе появилась чашка свежего чая, заваренного утром — он был еще теплым. Глядя на поднимающийся белый пар, Вэнь Суй медленно начал свой рассказ:

— Этот генерал был искусным лучником. С детства он мечтал сражаться с врагами и служить родине. Всё, чего он хотел в жизни, — подобно родителям сражаться на поле брани и оберегать мир. В начале своего пути он этого добился, но, к сожалению, небеса бывают слепы... — он прервался. Настоятель слегка кивнул, давая ему понять, чтобы он продолжал. Вэнь Суй сглотнул и продолжил: — К сожалению, как только зайца поймали, собак сварили [2]. Жаль, что отца генерала оклеветали, обвинили в измене и казнили вскоре после того, как тот помог новому императору взойти на престол. Мужчина знал, что ему грозит беда, и оставил своим детям завет.

[2] 兔死狗烹 (tù sǐ gǒu pēng) — когда заяц убит, из собаки [теперь уже не нужной] варят похлёбку. Как только охота заканчивается, собака становится бесполезна и может быть убита ради мяса или просто чтобы избавиться от лишнего рта. Идиома, описывающая ситуацию, когда после достижения цели или победы над врагом те, кто помогал в этом, становятся ненужными и устраняются. Метафора предательства тех, кто оказал услугу, после того, как в них отпала необходимость.

— Он велел им поклясться никогда не предавать свою страну и хранить верность императору до самой смерти. Никогда не позволять личной вражде перерасти в ненависть к родине и разрушить с таким трудом достигнутый мир. Если же они нарушат эту клятву — он не сможет покоиться с миром [3].

[3] 死不瞑目 (bù míng mù) — «не закрыть глаза». Идиоматическое выражение, которое указывает на то, что человек умирает с открытыми глазами, не находя покоя из-за незавершённых дел,

несправедливости или других причин.

Вэнь Суй произносил каждое слово отчётливо, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. Боль заставляла его веки дрожать — впервые в жизни он почувствовал, что готов заплакать.

— Генерал всегда помнил наставления отца. Что бы ни случилось, он ставил благополучие государства превыше личных чувств. Но когда его самого загнали в угол, он все же выпустил стрелу в императора.

— Амиабха... — Старый настоятель слегка кивнул. — Император, должно быть, был просто ранен?

— Да, генерал не убил его. Стрела не попала в жизненно важные органы.

— В таком случае, генерал проявил максимум доброты и преданности. Он сделал всё, что смог.

— Если бы я был на месте генерала, — сказал Вэнь Суй, — я бы хотел, чтобы моя стрельба была не такой точной.

Если бы он стрелял хуже, то мог бы оставить судьбу этого глупого правителя на волю небес. Он не боялся быть неправедным, неверным, неблагодарным. Смерти Вэнь Суй тоже не боялся — он столько раз смотрел ей в лицо. Он просто ненавидел. Ненавидел то, что не смог убить того человека одной стрелой. Ещё сильнее он ненавидел себя — нерешительного, противоречивого, так и не отомстившего, обречённого теперь на вечные скитания после смерти. А лук и стрелы, которые он освоил, чтобы убивать врагов и служить родине, в конце концов, были направлены против императора, которому он поклялся в верности. Верность императору, служение стране... Что в итоге от этого осталось?! На губах Вэнь Суя появилась холодная улыбка.

— Мастер, Будда спасает всех живых существ. Может ли такой человек, как этот генерал, обрести покой после смерти?

Старый настоятель задумался на мгновение.

— Будда спасает всех, — сказал он, — но я не думаю, что этому генералу нужно спасение. Генерал уже спас себя сам.

— Спас себя?

— Именно. Той самой стрелой, которая не достигла цели.

Старый настоятель посмотрел на Вэнь Суя.

— Ты сказал, что на месте генерала предпочёл бы промахнуться. Но он попал. Эта стрела была выбором генерала — и наказанием, и искуплением. Генерал освободил себя, отпустив свою ненависть.

Чётки в его руках издали тихий щелчок, подобно искре в пламени свечи, — короткий звук, отозвавшийся эхом в сердце Вэнь Суя.

— Все страдания порождает ум. Оставь прошлое, не копайся в нём. У всего есть причина и следствие. Обрести покой можешь только ты сам, а не кто-то другой.

Выйдя из кельи, Вэнь Суй увидел Си Чжоу, сидящего за каменным столом. Он не был ничем занят, просто спокойно ждал. Во дворе раздавался стук деревянной рыбы и мерный звон колокола. Листья большого кленового дерева устилали землю, а молодой монах, в обнимку с

метлой, дремал под деревом. Казалось, это было самое обычное утро. Си Чжоу не спросил Вэнь Суя о беседе с настоятелем, а Вэнь Суй не спросил Си Чжоу, как тот нашёл это место. В мире мало совпадений. Вэнь Суй знал — поездка сюда была запланирована Си Чжоу. В тот день у подъезда, когда он разговаривал с Вэнь Цунцзянем, Си Чжоу был рядом. В стрелковом клубе Вэнь Суй никогда не скрывал своего интереса к тому луку. Такой внимательный человек, как Си Чжоу, наверняка потратил немало сил, чтобы выяснить местонахождение третьего лука — того, о котором не знал даже Вэнь Цунцзянь. Возможно, он спросил Янь Миншэна. Но уже само то, что Си Чжоу додумался до этого, было удивительно.

— Вытри пот, чтобы не простудиться.

После он напомнил Вэнь Сую застегнуть куртку: по пути сюда тот распахнул её. Си Чжоу протянул ему кленовый лист, сказав, что нашел его под деревом. Ярко-оранжевый лист был действительно красив. Спускаясь с горы, они шли обдуваемые лёгким ветерком. Вэнь Суй, прикасаясь к листу в своём кармане, вдруг кое-что осознал. Один лист может рассказать об осени, но тот же лист также может закрыть глаза [4]. Простая истина, которую легко понять, но следовать — трудно.

[4] Выражение 一叶知秋, 一叶障目 (yī yè zhī qiū, yī yè zhàng mù) состоит из двух частей, которые противопоставляются друг другу:

一叶知秋 (yī yè zhī qiū) — дословно «по одному листку узнать осень». Идиома, означающая способность видеть общую картину по мельчайшим деталям, делать вывод о целом, основываясь на небольшой части. По опавшему листку можно понять, что наступила осень.

一叶障目 (yī yè zhàng mù) — «лист застилает глаза». Идиома, означающая неспособность видеть общую картину из-за сосредоточенности на мелочах. Один лист, находящийся прямо перед глазами, мешает увидеть весь лес.

На обратном пути возникла небольшая заминка: все велосипеды в прокате уже разобрали. Велосипед Си Чжоу остался на месте — бросить его и поймать такси было нельзя. Они нашли выход: Вэнь Суй сел на багажник, а Си Чжоу повез его искать ближайший пункт проката. Вэнь Суй ехал так, вероятно, впервые, ведь никакой «мышечной памяти» не возникало, и чувствовал себя крайне неуютно. Си Чжоу, по его словам, тоже впервые вёз пассажира, и это было заметно — тот ехал слишком неуверенно.

Вэнь Суй изо всех сил вцепился в сиденье. Два взрослых мужчины, уютящиеся на одном маленьком, потрёпанном велосипеде — зрелище, собравшее немало любопытных взглядов. Но небеса, похоже, решили подшутить над ними: они так и не нашли свободный велосипед, проехав таким образом весь обратный путь.

Сун Цихуэй, увидев их у входа в гостевой дом, был очень удивлён. Вэнь Суй не понимал зачем они приехали сюда — логичнее было отправиться прямо в клуб или домой. Сун Цихуэй, похоже, специально ждал их. Из разговора Вэнь Суй понял: Си Чжоу снова договорился о сборе овощей.

— Ты сегодня устал в горах, приготовлю тебе хороший ужин. Что хочешь съесть?

Не успел Вэнь Суй ответить, как Си Чжоу покачал пальцем.

— Никаких «всё равно». Одно условие — нельзя выбирать только зелёные овощи.

Перед тем как зайти в теплицу, он снова напомнил об этом. Вэнь Сую всегда было без разницы, что есть, но Си Чжоу помнил об этой мелочи и всерьёз думал о том, как исправить его привередливость в еде.

— В твоём возрасте организм ещё растёт, поэтому рацион должен быть разнообразным. Так, с овощами разобрались. Пойдём, поймаем деревенскую курицу для супа. Ты слишком худой — нужно больше белка, чтобы было больше сил.

Больше сил... Чем больше Вэнь Суй слушал, тем больше ему казалось, что подобный тон Си

Чжоу до боли ему знаком. Он правда считает его одним из своих учеников? Наподобие: «Корпус должен быть устойчивым, тогда руки смогут приложить больше силы».

Вэнь Суй так и не понял, почему не отказался сразу, но каким-то странным образом, выйдя из огорода, он оказался в курятнике. Если огород был уже за гранью его представлений, то курятник в этом мире и вовсе превзошел все ожидания — он оказался просторнее человеческого жилья.

Среди зарослей бамбука свободно расхаживали куры. Бамбук, должно быть, был пересажен. Он был густым и пышным, но не высоким, образуя живописный вид, с продуманным сочетанием густых и разреженных участков. Если бы не навес над головой, можно было подумать, что это настоящий лес.

Си Чжоу засучил рукава и начал ловить курицу, без тени тренерской важности. После шумной возни и громкого «кудахтанья» он появился держа в руках большую пеструю курицу, хлопающую крыльями.

— Помогите, пожалуйста, ощипать её. Спасибо.

Передав курицу обслуживающему персоналу, Си Чжоу стряхнул прилипшие перья и внезапно рассмеялся, словно вспомнив что-то.

— В детстве, дома, у меня было прозвище «Гроза кур».

Вэнь Суй нахмурился. Увидев его выражение лица, Си Чжоу, еле сдерживая улыбку, поджал губы и покачал головой.

— Ужасное прозвище, да? Я тоже так думаю. Пойдём, подождём в чайной у входа.

Снимая перчатки и бахилы, он взял пакет с овощами и вместе с Вэнь Суем направился к выходу.

— Знаешь, почему меня так называли? Потому что я все время ловил кур у моей бабушки. Настоящих, деревенских кур.

— Представь себе целую гору, покрытую бамбуковыми зарослями и усеянную разнообразными фруктовыми деревьями. Это огромное место, где куры могли свободно бегать по склону вверх и вниз. — Он широко раскрыл руки.

Свободно бегать? Вэнь Суй усомнился: разве они не терялись?

— Но к закату все куры возвращались в курятник на ночь. На воле они могли ловить насекомых, но главным их кормом были кукуруза и зерно, которые выращивали люди. Так же, как и мы: едим мясо, овощи и зерновые, но каждый день нам нужны злаки в больших количествах. То же самое и с курами. Кхм, кажется, я немного увлекся... — Си Чжоу откашлялся, словно отвечая на чей-то невысказанный вопрос, и вернулся к основной теме разговора.

Как и в тот раз, когда он внезапно напомнил ему снять куртку во время сбора овощей, это прозвучало так естественно, без намёка на навязчивость — но момент всегда был выбран точно. Вэнь Сую казалось, что Си Чжоу постоянно незаметно о нём заботится.

Си Чжоу продолжил вспоминать детство:

— В горах тогда жило всего несколько семей, и я был единственным ребёнком. От скуки я любил гоняться за курами. Сначала в качестве приманки я бросал им горсть зерна, а потом бросался ловить. Поймав, отпускал и ловил других. В итоге куры стали разбегаться при виде меня, перестав подходить даже к кукурузе.

Они шли не спеша, он рассказывал медленнее обычного. Будто развлекая себя воспоминаниями, Си Чжоу хотел рассмеяться, но, взглянув на бесстрастное лицо Вэнь Суя, лишь сдержанно поджал губы. Он негромко продолжил:

— Потом я переключился на соседских кур ниже по склону. Но со временем и они научились

меня избегать. Так я и прославился на всю округу.

Он умолк, и лишь спустя паузу Вэнь Суй равнодушно [5] бросил:

— Понятно.

[5] 不咸不淡 (bù xián bù dàn) — дословно переводится как «ни солёный, ни пресный». В переносном смысле это означает равнодушный, безразличный, безэмоциональный.

Си Чжоу на секунду замер.

— О чём задумался?

Вэнь Суй вздрогнул.

— Ни о чём.

Возможно, любой другой посчитал бы его реакцию неловким молчанием, но Си Чжоу понял, что Вэнь Суй о чём-то серьёзно размышляет. Тот не признался, и так же не заметил, что, хотя обычно не интересовался подобными бытовыми разговорами, слова Си Чжоу незаметно увлекли его в мир безграничного воображения. Он представил себе кур, то неторопливо прогуливающих в бамбуковой роще, то клюющих что-то на земле, то поправляющих перья, безмятежных и довольных жизнью. Но эту идиллию вдруг нарушил появившийся ребёнок.

Тот мальчишка выглядел вполне прилично, но характер имел озорной. Наверное, куры тоже обманулись его внешностью, и радостно бросились к нему за едой, не подозревая, что попадают прямиком в западню. В мгновение ока курятник взорвался хаосом — куры в панике разбежались, петухи петляли в попытках убежать, пока их ноги не подкашивались, заставляя их беспомощно спотыкаться. В конце концов несчастные оказывались в руках маленького дьяволёнка...

На невозмутимом лице Вэнь Суйя дрогнули уголки губ, но он быстро взял себя в руки. Так и родился этот сухой ответ: «Ни о чём».

Си Чжоу, улыбаясь, повернулся к нему и поправил очки:

— Мне тогда было всего четыре-пять лет, я многого не помню. Эти истории мне позже рассказывал дед — кто знает, может, он просто дурачил меня.

Вэнь Суй невольно взглянул на Си Чжоу, пытаясь разглядеть в этом серьёзном тренере следы той «Грозы кур», чтобы понять, правда это или нет.

— Ну как? — с лёгкой насмешкой спросил Си Чжоу.

Вэнь Суй:

— Никак.

— Что никак? Неужели ты говоришь о моих бамбуковых курах? — сзади раздался голос Сун Цихуэя. Он держал в руках ошипанную курицу. Си Чжоу поинтересовался:

— Неужели господин Сун собственноручно этим занимался?

— Конечно, — Сун Цихуэй передал пакет Си Чжоу. — Собираетесь жарить или варить бульон?

— Бульон. Он будет очень полезным.

— Отлично! — Сун Цихуэй тут же начал расхваливать товар перед Вэнь Суем: — Мой куриный бульон из бамбуковых кур — нечто невероятное! Попробуешь раз — захочешь ещё. Главное, что это настоящие куры на свободном выгуле, сейчас таких редко встретишь.

Си Чжоу добродушно поддакивал:

— Да-да.

Сун Цихуэй пожурил его:

— Что это за тон? Тебе не нравится, что я много говорю?

— Как я могу? — с улыбкой ответил Си Чжоу.

Сун Цихуэй сделал вид, что обиделся, и пожаловался Вэнь Сую:

— Смотри-ка, весь этот курятник с бамбуком — его идея, он сам всё сажал. И вот как он теперь к нему относится!

Си Чжоу закрыл лицо руками и рассмеялся. Только тогда Вэнь Суй узнал, что бамбуковую рощу посадил Си Чжоу... Кто бы мог подумать, что в душе он оставался ребёнком [6].

[6] 童心未泯 (tóng xīn wèi mǐn) — дословно переводится как «детское сердце не исчезло».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12809/1130093>